

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-1/-9

*А. Е. Ануфриев (Киров, Россия)
Вятский государственный университет*

К вопросу о типологии жанра литературной утопии

В статье рассмотрены доминантные типы литературной утопии. Определены критерии, которые положены в основу классификации утопии, показано многообразие ее видов, охарактеризованы тенденции развития и художественные особенности. Выявлены связи утопии с другими формами творческой деятельности. В статье представлен широкий спектр мнений историков, философов, литературоведов, исследовавших указанный жанр.

Ключевые слова: утопическое сознание, типология утопии, модель социума, трансформация жанра, эстетический идеал, мир ритуала

С началом систематического изучения утопии (и как способа мышления, и как литературного жанра) начались и попытки ее классификации в определенные типы и группы. В качестве основания классификации брались различные принципы и модели.

А Фойгт выделял архаические и анархические утопии, исходя из ориентации их авторов на описание системы организации власти в вымышленном социуме. К первым он относил те из них, в которых утопическое государство обладает сильной, всеобъемлющей властью и неусыпно следит за жизнью граждан. Ко вторым он причислял утопии, создатели которых «мечтают об идеальном обществе с абсолютной личной свободой для всех, где не было бы никакого принуждения, никакого насилия и даже никаких органов власти» [1, с. 7].

А. Свентаховский определял тип утопии, отталкиваясь от социально-философских воззрений писателей. Он предложил такие ее разновидности, как религиозная, коллективистская, анархистская, индивидуалистическая, естественного права.

Л. Мэмфорд разделил утопии по принципу направленности критического действия, воплощенного в них, на эскапистские (бегства) и реконструкции (изменения). Первые предлагают бежать от забот и тревог реального мира в область мечты, из них не вытекает призыв к борьбе за его перестройку. Вторые

намечают способы изменения реального мира, которые приведут его в соответствие с идеалом и образцом. В них всегда содержится призыв к действию.

Е. Шацкий, опираясь на классификацию Л. Мэмфорда, выделил эскапистские и героические утопии. По мнению исследователя, «утопия бегства обращена к внутреннему миру своего творца, героическая утопия – к внешнему миру» [1, с. 115]. Шацкий не ограничился только дихотомическим делением. Внутри каждого из этих типов он выделил разновидности. В пределах эскапистских он выделяет утопии места (повествуют о странах, государствах, островах со счастливым устройством), утопии времени (они рисуют счастливые общества в прошлом, настоящем и будущем), утопии вневременного порядка (образец находится вне времени и пространства, связывается с вечными ценностями: богом, природой, разумом) [2, с. 181].

Героические утопии Шацкий делит на две группы: утопии ордена (идеал связан с уходом от действительности в какую-то замкнутую группу или сообщество) и утопии политики (программы, трактаты, манифесты, лозунги и т.д.), призванные изменить жизнь в соответствии с идеалом.

Ф. Мэньюэль выделил «утопии спокойного счастья» (модель социума, который обеспечит условия хорошей жизни без перемен и неожиданностей) и «динамические утопии лучшего будущего» или «эвхронии» (показывают, каким образом человечество сможет жить все лучше, используя новые технологические и другие возможности) [3, с. 26].

А. Маслоу настаивал на выделении эвпсихий, то есть утопий, в которых «речь идет не столько о переустройстве общества, сколько переустройстве человеческой психики» [4, с. 327].

Исследователь утопического социализма В. Волгин классифицировал утопии по способу обоснования провозглашаемого ими общественного идеала. Он выделил религиозные, рационалистические и исторические утопии. Первые основаны на религиозном, вторые – на метафизическом, третьи – на научном мировоззрении.

Ф. Полак разделял утопии по принципу их подлинности и полноты выражения идеала на «полные», «целостные», «полуутопии», «квазиутопии».

В работах А. Мортонна, А. Клибанова, К. Чистова рассмотрены разновидности народных утопий, показано их огромное влияние на все другие формы литературных утопий, отражены их национальные отличия.

В целом можно констатировать, что в гуманитарных науках существует множество классификаций или типологий утопий, основанных на разных принципах. Это свидетельствует о многоаспектности явления и возможности подхода к нему с разных точек зрения. Как точно заметил Э. Баталов, одной из главных задач, стоящих перед исследователем литературной утопии «является изучение ее типоморфологии, то есть тех ее разновидностей, форм, типов, видов,

которые, сложившись исторически, могут быть приняты в качестве основания членения утопического массива» [5, с. 41].

Мы считаем, что в качестве основания для типологии утопии должны быть избраны имманентно присущие ей признаки и доминантные свойства, которые давали бы представление о многообразии ее видов, тенденциях развития, художественных особенностях.

Таким основанием может быть, на наш взгляд, философское, социокультурное и эстетическое наполнение идеала, к которому стремится создатель утопии. Оно определяет систему ценностей, нравственно-философскую и социальную проблематику произведений, их структурные признаки.

Исходя из этого критерия мы выделим следующие типы утопий: социально-политическую, утопию «естественного человека» (или руссоистскую) с ее разновидностями, научно-технократическую, просветительскую, космологическую. При этом надо иметь в виду, что подобные типы утопий в абсолютно «чистом» виде встречаются редко. В литературе той или иной эпохи представлены различного рода ассимилятивные явления и комбинации.

Названные нами типы утопий могут содержать переходные элементы, оказывать взаимовлияние, создавать симбиотические конструкции. К примеру, черты социально-политической утопии могут нести в себе и научно-технократическая, и просветительская, и космологическая утопии, точно так же, как и научно-технократическая утопия может оказывать влияние на просветительскую и космологическую. Просветительская утопия нередко бывает «встроена» в руссоистскую, а последняя может являться составной частью космологической. Таких соединений содержится немало в литературах разных стран и народов.

Для социально-политической утопии характерен преобладающий интерес к проблемам общественной жизни в совершенной модели государства. Социально-политические романы, повести, рассказы, беллетризованные трактаты, в которых находил воплощение этот тип утопии, были обращены, главным образом, к тому, чтобы показать идеальную систему общественных отношений и государственного управления. Именно этот тип утопии в наибольшей степени обладал таким чертами, как всеохватность, регламентированность, ритуализированность отношений. Среди произведений этой разновидности «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Путешествие в Икарию» Э. Кабэ, «Год 2440» Л. Мерсье, «Путешествие в землю Офирскую» М. Щербатова, «Сон «Счастливое общество» А. Сумарокова, «За приподнятой завесой» А. Красницкого, «Через полвека» С. Шарапова, «Анархисты будущего» И. Морского и др.

Авторы утопий «естественного человека», или руссоистских, патриархальных, пасторальных, исходили из идеи, что человек, живущий на лоне природы в состоянии согласия с ней и естественной свободы, способен обрести

полное счастье и покой. Его жизнь противопоставлялась искусственному характеру законов и установлений цивилизованного общества.

Первоначально это тип утопии формировался на основе романов и повестей, описывавших путешествия в экзотические страны и встречи с «добрыми дикарями». В обычаях «диких» часто видели только положительные черты, которые стали противопоставлять нравам «испорченных» цивилизацией европейцев. Постепенно такие идеализированные описания превращались в утопии.

Ярким примером такой преобразенной утопии является роман Т. Роша «История Галлигенов» (1765). Его герой – Альмонт, высадившись с двумя детьми на острове, становится родоначальником нового народа. Он приучает своих потомков повиноваться законам природы, утаив от них дурные стороны европейской цивилизации.

В «Добавлении к “Путешествию Бугенвиля”» Д. Дидро показывает превосходство таитян над европейцами. На Таити существует простой, естественный и гармоничный порядок.

Писатели эпохи Просвещения, и в первую очередь Руссо, обосновали веру в разумность и нравственность законов природы и естественное право человека быть свободным. В произведениях Руссо «природа выступает как нечто личное, как мать, защищающая своих детей, как мудрая работодательница, дающая им заповеди, составляющая свод законов» [6, с. 46]. Трактаты Руссо и его «Новая Элоиза» послужили образцом для патриархальных утопий следующих эпох.

Пасторальные, патриархальные утопии, представляющие собой разновидности утопии «естественного человека», многообразны по своей проблематике и художественным особенностям, но их авторы едины в обосновании ценностей утопического мира. Их главный принцип – естественность, а мерило отношений – свободный человек.

В руссоистских, патриархальных, пасторальных утопиях ставится проблема не столько совершенной общественной организации, сколько этического идеала, воплощенного или в отдельном человеке, или в сообществе людей. Герой этих утопий, убегая от лживого и обыденного существования, «создавал свою утопию в надежде перестроить не общий порядок, не внешний мир, а самого себя, то есть внутренний мир и свои отношения с внешним миром» [7, с. 125].

К классическим образцам утопии «естественного человека» можно отнести «Уолден» Г. Торо, «Тайпи» Г. Мелвилла, «Блайтдейл» Н. Готорна, «Наивное дитя» Г. Рида, «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. Чаянова.

Важное место среди утопий занимает ее научно-технократическая разновидность. Ее создатели соотносили свои планы счастливого общественного

устройства с преимущественным развитием науки и техники. Законы научного и технического развития определяют существование воображаемых государственных институтов, отношения между персонажами, влияют на формирование нравственных ценностей, то есть приобретают универсальный характер. Писатели-утописты, увлеченные теми перспективами, которые открывало развитие науки и техники, считали их глобальными средствами решения всех социальных и философских проблем.

Мир в научно-технократической утопии выступает не как органическая система, имеющая источник своего развития в себе самой, а как эффективно рассчитанная и рационально сконструированная модель, ведущая к реализации идеала.

У истоков утопии этого типа стоит Ф. Бэкон. В «Новой Атлантиде» он показал, каких высот может достичь человечество в результате развития научно-технических знаний. Описание дома Соломона, своеобразного центра всех научных экспериментов и опытов по преобразованию природы, составляет ее основную часть. Целью жизни бенсалемского общества «является познание причин и скрытых сил всех вещей; расширение власти человека над природою, покуда все станет для него возможным» [8, с. 33].

Расцвет научно-технократической утопии относится к концу XIX – началу XX века, когда на Западе вышли произведения Э. Беллами, К. Лассвица, Г. Трюса, Г. Уэллса, а в России – Н. Шелонского, Н. Морозова, А. Богданова. В этот период научно-технократические утопии все больше «срастались» с жанром научной фантастики, образуя тесное единство.

Научно-технический утопизм был подвергнут резкой критике и привел к созданию множества пародий и антиутопий.

Есть все основания для выделения еще одного вида утопии. Условно ее можно назвать «космологической», или «утопией космизма». В ее основе лежат естественнонаучные идеи о единстве человечества и Вселенной, о связи микрокосмоса человека и макрокосмоса природы.

Со времен античности философы и писатели стремились разработать такой взгляд на мир, при котором космос и человек сопоставимы, а душа и Вселенная представляют явления одного ряда. При этом утверждалась и постепенно обретала силу концепция естественности космоса и органической связи с ним человека.

Еще Платон уподоблял Вселенную живому существу, наделенному душой. От греков и римлян идея единства космоса и человека перешла в европейскую науку, сформировала целые отрасли знаний – космологию и космогонию.

В конце XIX – начале XX века идеи космизма получили мощное развитие в трудах ученых-естествоиспытателей К. Циолковского, В. Вернадского, Н. Умова, А. Чижевского, А. Горского, Н. Сетницкого, в религиозно-

философских работах В. Соловьева, Н. Федорова, С. Булгакова, Н. Бердяева, П. Флоренского. Их плодотворные и оригинальные концепции нашли своеобразное отражение в творчестве В. Брюсова, А. Белого, А. Блока, А. Богданова, В. Хлебникова, А. Платонова.

В качестве основы космологических утопий мы определяем не только технические идеи освоения или покорения человеком космоса, переселения на другие планеты, полетов во Вселенной, но и принципы построения гармоничного общества, в котором человек выявляет многосторонние связи с космосом, осознает себя частью вселенского развития и порядка. Природа человека, с точки зрения создателей «утопий космизма», не ограничивается только земным существованием. Он способен участвовать в строительстве разумного космоса, гармонизируя его и внося духовное начало.

В космологических утопиях В. Одоевского («Косморамы», «Два дни в жизни земного шара»), А. Белого («Аргонавты», «Утопия»), В. Хлебникова («Кол из будущего»), А. Платонова («Потомки солнца», «Лунная бомба», «Эфирный тракт») нашли отражение тревожные мысли об ответственности человека за все происходящее на земле и в космосе.

Перечисленные нами типы утопии в процессе ее эволюции модифицировались и трансформировались. Шел процесс диффузии утопии с другими жанрами, она старалась отойти от классических канонов и вырваться из прокрустовых ложа описательности. Кроме того, каждая национальная литература вкладывала в этот жанр свое самобытное содержание и пыталась обогатить его новыми художественными приемами. Каждая эпоха порождала утопии, которые не соответствовали рамкам какой-то одной схемы. Но основной состав признаков оставался неизменным до середины XX века.

Литература

1. Фойгт А. Социальные утопии. СПб., 1906.
2. Шацкий Е. Утопии и традиция. М., 1990.
3. Мэньюэль Ф. Э. Утопическое мышление в западном мире // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991.
4. Маслоу А. Вымысел и поучение // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991.
5. Баталов Э. В. В митре утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989.
6. Верцман И. Н. Жан-Жак Руссо. М., 1996.
7. Баталов Э. В. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982.
8. Бэкон Ф. Новая Атлантида. М., 1954.